

Чи Чэн смотрел на У Совэя с нескрываемым гневом, отчего тот мгновенно сник:

— Ладно, можно и не расставаться, но ты должен...

— Даже не думай об этом! — Чи Чэн слегка прикусил его за ухо, заставив У Совэя от боли с силой ущипнуть его за пояс.

Зрачки Чи Чэна сузились, он перевернулся и прижал У Совэя к кровати:

— Решил бунт поднять?

Чтобы он извинился перед Ван Чжэнем? Да ни за что на свете!

Получив тычок в живот, У Совэй надул губы и отвернулся. Он сердито молчал, а в его больших влажных глазах начали собираться слезы. Этот притворно-обиженный вид заставил сердце Чи Чэна дрогнуть, и его тон невольно смягчился:

— Ну ладно, не злись. Я извинюсь перед тобой. Прости, малыш... — последнюю гласную он протянул долго и двусмысленно.

У Совэй продолжал молчать, выпятив нижнюю губу так, что на ней, казалось, можно было повесить ведро с соевым соусом. Даже его дыхание выдавало протест.

Чи Чэн сдался. Он принялся ерошить его волосы, пытаясь успокоить:

— Я же просто приревновал. Кто просил его звонить тебе сразу после возвращения в страну, да еще и с самого утра...

— Замолчи, — У Совэй отвернулся, не давая ему перевести тему в нежелательное русло. — Если не хочешь извиняться — не надо, я сам перейду в наступление...

Чи Чэн резко наклонился и накрыл губы У Совэя своими, не давая договорить. Его горячие ладони принялись мять его поясницу, не оставляя сомнений в намерении наказать.

— М-м... Чи Чэн... — У Совэй метался из стороны в сторону, но уйти от хватки «господина Чи» не было никакой возможности.

В тот самый момент, когда Чи Чэн уже был готов перейти к решительным действиям, на прикроватной тумбочке зазвонил телефон. Звук был таким резким, что оба затаили дыхание.

У Совэй, моргнув невинными глазами, вдруг решил пошалить. Он обхватил Чи Чэна за талию, приподнялся и лизнул его в кадык. Уголки его губ поползли вверх, а глаза, подернутые краснотой, светились вызовом.

Посмотрим, как ты теперь ответишь.

Дыхание Чи Чэна сбилось, глаза покраснели, как у кролика, и он был готов проглотить его целиком. Но телефон продолжал настойчиво звонить, словно не собираясь умолкнуть.

Чи Чэн схватил трубку и прорычал охрипшим голосом:

— Звонить в такую рань? Если не будет веской причины, отправлю тебя в Африку рудники копать...

— Паршивец, ты с кем так разговариваешь? У тебя мозги дверью прищемило? — на том конце прозвучал низкий и властный голос отца Чи Чэна, в котором сквозило раздражение. — Через час чтобы был дома. Иначе У Совэй отправится жить в семейное поместье на год-полтора, попробуй только возразить.

Час спустя У Совэй сидел в гостиной и заливисто смеялся вместе с матерью Чи Чэна.

Чи Чэн же стоял в кабинете на третьем этаже, ведя настоящую дуэль взглядов с отцом. В его глазах читалась ярость человека, которого грубо прервали на самом интересном месте.

Отец с силой ударил по столу:

— Неужели ты не можешь хоть раз не доставлять мне хлопот? Ты посмел заблокировать публичную фигуру! Ты хоть понимаешь, что начальник полиции звонил мне в спальню еще до рассвета?

Чи Чэн с безразличным видом закинул в рот жевательную резинку и, не спеша, достал телефон, чтобы проверить сообщения.

В три часа ночи пришло сообщение от Ганцзы: Человека выпустили под залог, вмешались СМИ, что делать?

Не получив ответа, Ганцзы решил не беспокоить его, зная, что тот спит.

— Это он первый начал преследовать мою машину. Я еще не свел с ним счеты, а лишь отправил в полицию — это было проявлением величайшего милосердия, — Чи Чэн закинул ногу на ногу и лениво откинулся на спинку кресла, вспоминая жалкий вид мелкого актеришки, когда он вытаскивал его из машины.

— Он же извинялся перед тобой! Почему ты все равно отправил его в участок? Ты хоть понимаешь, какой это скандал? — отец схватил газету со стола и скомкал ее, швырнув в Чи Чэна.

Тот поймал комок и, не глядя, отправил в корзину:

— И что? Это он виноват, а теперь еще и пытается все перевернуть с ног на голову.

Отец, который прекрасно знал характер сына, с трудом сдержал приступ сердечной боли и глубоко вздохнул:

— Отправь сообщение с извинениями, скажи, что это было недоразумение. Не давай ему повода раздувать историю, ты должен думать о репутации семьи...

Не дослушав, Чи Чэн резко встал, отчего по кабинету словно пронесся ледяной ветер:

— Не пойду.

Бросив эти слова, он направился к выходу.

У отца закололо в груди, он тяжело задышал:

— Стой! У Совэй знает об этом?

Рука Чи Чэна на дверной ручке замерла. Он обернулся и увидел, как старик победно ухмыляется, отчего едва не скрипнул зубами.

— Он спал и ничего не знает. Не смей его трогать.

— Спал? Наверное, перепил с господином Лэ? Я помню, раньше он в такие места не ходил... — отец откинулся на спинку стула, в его глазах блеснул расчет.

Боль в груди мгновенно утихла. Чтобы укротить этого строптивого сына, лучшего способа, чем использовать У Совэя, не найти.

Глубоко вздохнув, Чи Чэн вернулся к столу и, упершись в него руками, прищурился:

— Это все ты его вынудил.

— Я вынудил? — кулаки отца сжались, он едва сдерживался, чтобы не ударить сына.

— Если бы ты постоянно не намекал на его низкое происхождение, стал бы он работать днями и ночами, чтобы соответствовать твоему сыну? Лучше не используй это как повод, чтобы заставить меня извиниться. Я-не-буду.

— Ты... — отец смотрел, как Чи Чэн хлопает дверью, и запустил в нее пепельницей, которая с глухим стуком ударилась о дерево.

В гостиной У Совэй и мать Чи Чэна одновременно подняли головы. Увидев, как Чи Чэн вихрем проносится мимо, они поняли, что отец и сын снова поссорились.

У Совэй смотрел на него с беспокойством, но мать Чи Чэна поспешила его успокоить:

— Они всегда такие, хлебом не корми — дай поспорить. Завтрак уже готов, поешьте вместе перед уходом.

Не дожидаясь ответа, она подхватила У Совэя под руку и повела в столовую.

Понимая, что его сокровище теперь в заложниках у матери, Чи Чэн лишь тяжело вздохнул и вышел на улицу, чтобы позвонить Ганцзы.

— Что там?

Ганцзы, который не спал всю ночь и только-только задремал, было хотел разозлиться, но, услышав голос Чи Чэна, моментально пришел в себя.

— Оказалось, в машине у этого типа сидел журналист и все снимал. Хорошо, что мы вовремя заметили, пришлось припугнуть и подкупить, чтобы все удалили. Старик сильно злится?

Чи Чэн закурил. Узнав о видео, он помрачнел. Неудивительно, что отец с утра пораньше начал его дергать — кто-то прижал его к ногтю, и старик был в ярости от того, что ему пришлось «подтирать хвосты». Главное, что гнев отца не был направлен на У Совэй — это принесло облегчение.

— Разузнай все об этом актере. Вчера он следил за мной намеренно, — Чи Чэн выпустил облако дыма, в его глазах мелькнула жестокость.

Если он заранее подготовил журналиста, значит, все было спланировано. Чи Чэн никак не мог понять, откуда между ними могла взяться вражда, заставляющая публичную персону так рисковать. Или это действительно было недоразумение?

Недоразумение!

Да быть такого не может. Чи Чэн был уверен, что с этим актером что-то не так.

— Чи Чэн, иди завтракать, — раздался за спиной нежный голос матери.

Его руку внезапно сжали, и по телу разлилось тепло.

— Что папа хотел? — обеспокоенно спросил У Совэй.

Чи Чэн разжал пальцы и, приобняв его за плечи, повел в столовую:

— Ничего особенного. Ему просто плохо, если он не поворчит на меня хотя бы три дня.

У Совэй улыбнулся, но, когда он опустил взгляд, тревога в его глазах никуда не делась.

<http://bllate.org/book/19184/1883441>